

Д-р Дэниел Дж. Трейер, Притчи, занятие 4 Притчи 30–31, Заключительные слова

© 2024 Дэниел Трейер и Тед Хильдебрандт

Это доктор Дэниел Дж. Трейер в своем учении «Притчи для христианской жизни». Это занятие номер четыре, главы 30–31 Притчей, «Заключительные слова».

В двух предыдущих лекциях, посвященных чтению «Притчей для христианской жизни», мы рассмотрели моральное учение «Притчей» с точки зрения семи добродетелей и семи главных пороков, обнаружив сходство между этими рамками и основными приоритетами «Притчей».

Сходство не влечет за собой исчерпывающее перекрытие. Что же еще предлагают пресловутые коллекции? Конечно, существует множество наблюдений относительно социального порядка: от семей до друзей, соседей и царей, и их мы обсудим через некоторое время в отношении Притчей 30–31. Однако для начала остающийся моральный акцент требует дальнейшего обсуждения, поскольку добродетели и пороки затрагивают его лишь косвенно, говоря и слушая, что невероятно заметно повсюду.

В Притчах речь идет о речевых действиях. Другими словами, мы несем ответственность за действия наших уст и наших ушей и формируемся ими. Акцент в Притчах на речевых действиях соответствует более широкой концепции природы и благодати, которая подразумевалась при рассмотрении добродетелей и пороков.

Мы можем кратко изложить это здесь. Во-первых, основное внимание в Притчах уделяется моральному формированию, описанию последствий конкретных действий и способов, которыми они отражают и усиливают мудрость или глупость ради развития праведного характера. Вера, принадлежность и поведение интегрированы, но в Притчах конкретно и прямо говорится о мудрости или глупости многих видов поведения.

Во-вторых, однако, в Притчах говорится о поведении, призванном способствовать принадлежности к сообществу, боящемуся Господа. Книга «Притчи» реалистично описывает безнадежные попытки изменить поведение. Поскольку истинная мудрость начинается и заканчивается страхом Господним, нравственное формирование в конечном итоге предполагает правильную веру и искупающую благодать.

В-третьих, одновременно истинное духовное формирование требует морального формирования, потому что люди стремятся к мудрости как

воплощенные личности в сообществах. Правильная вера — это не настоящий страх перед Господом, если не считать принадлежности и поведения. Сердце включает в себя всю личность человека, а не только набор внутренних чувств.

В случае речи и слушания, как мы увидим, попытки говорить в нужных количествах и с правильными качествами в конечном итоге вырождаются в частично успешное самоуправление, если только мы не убоимся Господа, потому что мы не сможем сохранить то, что есть в наших руках . сердца от выпрыгивания изо рта или затыкания ушей. Когда мы говорим о речевых актах, помните об этом взгляде на сотворение и искупление. Частичная нравственность возможна для язычников, но полное стремление к подлинной мудрости достижимо для народа Божия только по благодати, преображающей сердце и открывающей уши.

Рассмотрев таким образом речевые действия, мы вернемся к социальному контексту мудрости в Притчах. Сложные противоречия в отношении божественного суверенитета, благодати и человеческой свободы в Притчах отражены в главе 16 и стихе 1. Планы разума принадлежат смертным, но ответ языка — от Господа. Сопоставление ума и языка сигнализирует о том, что человеческий характер находит выражение в речи.

По словам Иисуса в 12-й главе Евангелия от Матфея, от избытка сердца говорят уста, и переплетение человеческих и божественных действий выражает значительное напряжение с нашей ограниченной точки зрения. Но в конечном итоге, по провидению Божьему, с точки зрения Притчей, наши истинные намерения проявляются, даже если мы строим иные планы. Конечно, ответы других на нашу речь также входят в конечную компетенцию Господа.

Мы должны планировать осмотрительно, но при этом мы должны признать пределы человеческого контроля над результатами, как социальных последствий нашей речи, так и личного контроля над нашими сердцами и тем, как они формируют нашу речь. Многие пословицы связывают речь с благоразумием или другими добродетелями. Таким образом, рассмотрение здесь может быть сосредоточено на дополнительных категориях, которые еще не фигурировали в нашей трактовке различных добродетелей и пороков.

Первым из них является запрет сплетен. 11:13, сплетники ходят о том, что рассказывают тайны, но тот, кто верен духом, хранит доверие. 17:4, злодей слушает злые уста, и лжец внимает лукавому языку.

18:8, повторено в 26:22, слова шепчущего подобны лакомым кусочкам. Они спускаются во внутренние части тела, и это описание не подразумевает положительного, а предостерегающего. Обратите внимание на характер человека, который слушает сплетни в этих отрывках.

Признается, что это сильное искушение, но общественный разлад таков, что следует избегать даже общения с известными сплетнями. Глава 20, стих 19. Между прочим, это имеет большое значение для того, что мы, современные люди, называем социальными сетями и новостями, и для того, как мы к этому подходим.

Второе и, очевидно, связанное с этим явление – это запрет лжи. Правдивые уста живут вечно, а лживый язык длится лишь мгновение. Глава 12, стих 19.

Праведники ненавидят ложь, а нечестивые поступают постыдно и бесчестно. Глава 13, стих 5. И список отрывков можно продолжать. Помимо сравнения долгосрочного успеха истины и лжи, «Притчи» противостоят конкретным формам лжи.

После пословицы о вкусных сплетнях из главы 26, стиха 22, следуют следующие стихи. Как глазурь, покрывающая глиняный сосуд, гладкие уста со злым сердцем. Враг лукавит в словах, но таит в себе обман.

Когда враг говорит милостиво, не верьте ему, ибо внутри скрыты семь мерзостей. Хотя ненависть и прикрыта лукавством, злоба врага обнажится в собрании. Кто роет яму, тот упадет в нее, и камень вернется на того, кто начнет ее катить.

Лживый язык ненавидит свою жертву, и льстивые уста губят. Частично смысл здесь в том, что лесть ни к чему не приведет. А человек, который льстит своему ближнему, расстилает сеть для своих шагов.

Глава 29, стих 5. Родительская мудрость, напротив, готова говорить то, что непопулярно, а не приукрашивать неприятную реальность. Родительская мудрость готова говорить суровую правду. Однако этот отрывок также призывает людей, уязвимых к лести, быть осторожными в отношении истинных намерений говорящего.

В-третьих, речь имеет силу. Глава 13, стих 17, плохой посланник приносит беду, а верный посланник приносит исцеление. 15:4, кроткий язык – дерево жизни, но лукавство в нем сокрушает дух.

15:23, дать подходящий ответ — радость для любого, и слово вовремя, как оно хорошо. 16:24, приятные слова подобны сотам: сладость душе и здоровье телу. Однако, 16:27, негодяи замышляют зло, и речь их подобна огню палящему.

Иисус разделяет реализм Притчей о силе слова, когда говорит нам не бросать бисер перед свиньями. Притчи 23:9: не говори вслух глупца, который только

пренебрегает мудростью твоих слов. Итак, говорение и слушание – это две стороны одной медали, характера.

Сила слова не является магической или автоматической, она коренится в свободе человеческих действий как выражении нашего характера. В долгосрочной перспективе и слушание, и речь раскрывают и укрепляют то, кем на самом деле являются люди, что приводит к значительным общественным последствиям. Власть сама по себе не коррумпирована, но коррупция нашего общения показывает, насколько опасной может быть ее власть.

В-четвертых, следовательно, речь формируется и формируется под влиянием социальных контекстов. Что касается дома, в 20-м стихе главы 20 говорится: если проклянешь отца или мать, то светильник твой погаснет в крошечной тьме. Между тем, непрерывная капля в дождливый день и сварливая жена одинаково удерживают ее, как удерживают ветер или схватывают масло в правую руку, глава 27, стихи 15 и 16.

Хотя вы не можете выбрать своих родителей и «Притчи» склонны брать на себя их верное управление властью, по крайней мере, в целом, ради наставления, вы можете попытаться избежать выбора неправильного супруга. Итак, вне дома, 16:10, вдохновенные решения слетают с уст короля. Его уста не грешат в осуждении.

Однако есть место и для политической критики. Именно мудрый царь изображается принимающим такие решения, что становится очевидным тремя стихами позже, в главе 16, стих 13. Праведные уста — радость царя, и он любит тех, кто говорит правду.

В более общем смысле, терпением можно убедить правителя, а мягкий язык может переломать кости (25:15). Такой совет уместен независимо от того, мудр ли король, и в этом случае совет больше сосредоточен на том, как внести мудрость, или король тиран, и в этом случае осторожность становится повесткой дня. Книга Притчей не наивна в отношении силы речи и авторитетных фигур.

Однако, несмотря на социальные последствия человеческого греха, надежда есть. Слушая родителей и других людей, которые могут способствовать страху перед Господом, мы принимаем мудрость, и, как и многие в обществе, мы принимаем возможность шалоба. В пословицах приоритет отдается характеру.

В рамках программы общего образования, как мы могли бы ее назвать, нужно изучать не столько методы речи, сколько привычки, которых следует избегать и которые хотелось бы развивать. Тогда общение может стать поводом для личного удовольствия и общественного назидания. Затем в Притчах с 30 по 31 сборники пословиц заключаются в закрывающую скобку, что соответствует

Притчам с 1 по 9. Два пророчества в этих главах, по-видимому, пришли из-за пределов Израиля.

Во-первых, слова Агура в 30 стихе 1. Во-вторых, слова царя Лемуила в 31:1, которые он узнал от своей матери. Эти оракулы не представляют альтернативы откровению Яхве. Обратите внимание на молитвы Агура с 31 по 6 и с 7 по 9, а также на ссылки на другие канонические книги, которые подробно описал мой друг Ричард Шульц.

Пророчества фактически повторяют основные темы Притчей, еще более тесно связывая мудрость с космосом, обществом и домом как сферами деятельности, установленными Богом Израиля. Фактически, Агур призывает к правильному познанию Бога Израиля, которое является сутью полного человечества. В главе 30, стихи 2 и 3, два признания своей неадекватности представляют два вида риторических вопросов: кто и что в стихе 4. Существует традиция читать Притчи 30 в стихе 4 как тринитарное.

Последний вопрос, как его зовут или имя его сына, вы наверняка знаете, как его передает Новая Американская Стандартная Библия, дразнит читателей-христиан относительно Иисуса Христа, как и упоминание о восхождении и нисхождении ранее. Более того, в этом стихе говорится о ветре, связанном с христианской традицией о Святом Духе. Итак, в первую очередь сыном должен быть Израиль или его царь.

О воплощении нельзя было сказать предыдущим читателям, вы наверняка это знаете. Тем не менее, этот стих демонстрирует логику божественного откровения, которое в конечном итоге осуществит тринитарное богословие. Ни один простой человек не может подняться, чтобы получить познание Бога, и спуститься, чтобы распространять откровение среди других.

Только имя Яхве отвечает на вопрос, кто является творческой силой всего остального? Тем не менее, Израиль был уникальным образом выбран, чтобы представлять творца в мире. И как божественный сын в самом полном смысле этого слова, Иисус Христос собирается исполнить это призвание от имени Израиля. Признания неадекватности здесь уравниваются двумя библейскими контрзаявлениями, подтверждающими божественное откровение в стихах 5 и 6. Первая библейская адаптация происходит из 2 Царств 22:31 или Псалма 18:30, который в ближайшем контексте намекает на имя Яхве, поскольку кто такой Бог, кроме Господа? Вторая библейская адаптация ссылается на запреты Второзакония в главе 4, стихе 2, запрещающие добавлять к заветному откровению просто человеческие слова.

Подозрительность к человеческому пониманию здесь сочетается с сильной уверенностью в Слове Божьем. Поэтический баланс становится еще более

выраженным в следующих разделах, особенно с учетом того, что они в значительной степени полагаются на цифры. Отвержение лживых речей и жадности прекрасно продолжается в стихах 8 и 9, о которых мы уже говорили.

Обратите внимание, как горячо поэт стремится к нравственной честности в этих вопросах, согласно стиху 7. Отголоском богобоязненного довольства, к которому здесь призывают, является молитва Господня. Если все, чего человек ищет, — это хлеб насущный, то наша речь будет касаться молитвы, хвалы и прошения о прощении, а не захвата власти посредством лжи и обмана. В 10-м стихе главы 30 приводится конкретный пример ложной речи, которую следует отвергнуть в отношении слуг.

В стихе 11 приводится еще один пример высказываний, которые следует отвергнуть в отношении родителей, прежде чем ряд стихов связывает лежащую в основе гордыню, которая является проблемой как со словесным насилием, так и с жадным угнетением в стихах с 12 по 14. По мере расширения этих тем алчность и ненасытное желание проявляются нелестно, как пиявки в стихах 15 и 16. Гордый пренебрежитель родителей изображен в виде жертвы птиц в стихе 17.

И хотя в отношениях между мужчиной и женщиной могут быть загадки, как отмечается в стихах 18 и 19, ненасытный и неисправимый образ прелюбодейки сопровождает другие способы дестабилизации общества в стихах 20–23, против которых так последовательно предостерегают Притчи. Тогда с позитивной точки зрения мы можем посмотреть на нечеловеческих созданий, созданных Богом, и обнаружить невероятную силу мудрости даже в крошечных животных, стихи 24–28. Конечно, есть и великие животные, с которыми цари сравниваются в своем величии, стихи с 29 по 31.

Но на самом деле их объединяет мудрость, которая способствует смирению. Безумие превозносит себя и замышляет корыстное зло, порождая межобщинные раздоры (стихи 32 и 33). Цель этого краткого обзора — показать, что оракул Авгура переплетает поиск и получение божественного откровения, отвергая определенные пороки, алчность, ложь и клевету, похоть. и, в конечном счете, гордость.

Созданный порядок в высшей степени усиливает страх перед Яхве, к которому призывают Притчи. Аутсайдеры жаждут добродетельной и гармоничной культуры, которая возникает из познания Святого Израиля. Царский статус Лемуила в 31-й главе Притчей еще яснее подтверждает его статус чужеземца.

Тем не менее, он учится мудрости у своей матери, как израильтянин учится у своих родителей на протяжении всей книги. Содержание учения столь же последовательно. Отвержение похоти к женщинам, 31:3, отказ от обжорства,

когда дело касается крепких напитков, стихи с 4 по 7. Царь должен представлять Бога, защищая бессильных и обездоленных, обеспечивая справедливость даже для них, стихи 8 и 9. Знаменитая ода женщине из Притчей 31 следует в стихах с 10 по 31.

Ода начинается с общего подтверждения ее ценности как гораздо более драгоценной, чем драгоценности (стих 10). Стихи 11 и 12 предлагают первоначальные основания для такой оценки. Ее муж доверяет ей, и она для него благо.

Начиная со стиха 13, есть более подробная информация. Она трудолюбива. Она проявляет разумную инициативу, стих 14.

Она планирует и обеспечивает будущее, стих 15. Она занимается различными делами, стих 16. Она сильна и работает, чтобы стать сильнее, стих 17.

Она продолжает работать, а не прекращает работу в первый удобный момент, стих 18. К этому моменту вы должны услышать, как повторяются темы, которые вам хорошо знакомы на протяжении всей книги. Кажется, что в стихах 19 и 20 существует хиазма, X-образная форма, образующая переход между субъектами.

Руки, протягивающие прялку в стихе 19А, соответствуют рукам, протягивающимся к нуждающемуся в стихе 20Б. Руки, держащие веретено в стихе 19Б, соответствуют, но контрастируют с рукой, открывающейся бедным в стихе 20А. В совокупности стихи с 13 по 20 не только содержат упомянутые нами акценты, но также изображают производство дохода, особенно посредством текстиля.

Это привлекательный образ жизни, здоровый, продуктивный для общества и щедрый по отношению к другим членам сообщества. В стихах 21 и 22 в результате дом жены хорошо украшен. Как и следовало ожидать, ее муж пользуется хорошей репутацией среди руководителей страны (стих 23), а ее одежда желательна за порогом ее дома (стих 24).

Используя одежду в качестве метафоры, стих 25 показывает, как сила жены позволяет ей уверенно смотреть в будущее. Согласно стиху 26, жена сама по себе мудрый учитель и учит доброте. Завершение стиха 27 еще раз подтверждает усердие жены.

Заключение в стихах с 28 по 31 суммирует похвалу, которую жена получает от своей семьи. Ее дети и муж признают ее уникальное мастерство. Она является противоположностью прелюбодейки, поскольку ее превосходство делает ее

привлекательной для мужа и всего общества, поскольку она основана на страхе перед Господом.

Похвала продолжается в стихе 31, где, по мнению Брюса Вальтке, перевод был бы лучше, чем многие другие: перевозносит Ее за плод рук ее. Ее работы говорят сами за себя о ее превосходстве в обществе. Стихотворение в стихах с 10 по 31 этой последней главы представляет собой акrostих, каждый стих которого начинается с последовательной буквы еврейского алфавита.

Этот замысловатый дизайн предполагает стилизованный дискурс, передающий кульминационную точку. Ода, безусловно, работает на буквальном уровне, и поэтому, несмотря на влияние матери Лемуэля, она имеет глубокие последствия для оценки изображения женщин в Притчах. Многие патриархи-фундаменталисты наталкиваются здесь на мель, или, во всяком случае, должны были бы это сделать, излагая упрощенное видение постиндустриальной нуклеарной семьи, утверждая, что небиблейским является то, что жены работают вне дома и тому подобное.

Напротив, женщина из Притчей 31 трудолюбива во многих смыслах, даже несмотря на то, что эта семья не пренебрегает детьми. В то время как здесь мы видим практическое воплощение учений Леди Мудрости, ее более ранняя противоположность, Дама Безумие, пропагандировала не только буквальную распущенность, но и духовную измену, не предлагая никакого жизнеспособного дома внутри сообщества. Напротив, 31-я глава Притчей изображает идеального партнера по завету не просто мужа, но, вероятно, того, кем все мы должны быть по отношению к Богу.

Таким образом, то, чем мы наслаждаемся и кем мы станем, если примем мудрость, которая преследовала нас. Заключение о произведениях, в которых проявляется страх Господень, усиливает эту более широкую функцию оды. Таким образом, те, кто принимает мудрость Притчей, будут благословлять других, будучи трудолюбивыми, проявляя умную инициативу, отражая силу, заботясь о нуждающихся, планируя и готовясь, наслаждаясь хорошей репутацией и результатами, обучая мудрости других, а также, в конечном итоге, воплощая правильную преданность. Богу.

Притчи с 30 по 31 соответствуют более широкому акценту книги, чем гармония между космическим, социальным и семейным контекстами мудрости. Ранее уже появлялось множество отрывков на эти темы. Во многих случаях особенности животного царства или космоса освещают Божий замысел для процветания человека.

За этой пресловутой практикой стоит приверженность божественному устройству творения через пересекающиеся сферы деятельности: семейную,

социальную и космическую. Остаётся сделать более ясным культурное значение этого основания для Шалом. Во-первых, Притчи ясно подтверждают разумную ценность дружбы.

Милосердие — это обязанность каждого, по отношению ко всем, но не отрицающая при этом особой любви, которая необходима как для того, чтобы давать, так и для получения. В Притчах не указаны критерии расчета, какие соседи станут друзьями. Вместо этого, как и в других областях, в книге излагаются основные моральные параметры, в рамках которых возможен мудрый выбор и допустимы определенные варианты.

Эти моральные параметры включают в себя истину о том, что плохая компания портит хороший характер (1 Коринфянам 15:33), а также реалистичное признание того, что некоторые люди готовы предложить дружбу по корыстным причинам, а не оставаться с человеком несмотря ни на что. Общинный характер действует как на локальном, так и на более крупном уровне. Когда торжествуют праведники, тогда великая слава, а когда побеждают нечестивцы, люди прячутся (Притчи 28:12). Аналогично и в 28-м стихе той же главы: когда преобладают нечестивцы, люди скрываются, а когда они погибают, праведники умножаются.

Притчи говорят о царской власти. Когда праведники у власти, народ радуется, а когда правят нечестивые, народ стонет, гл. 29, ст. 2, потому что правда возвышает народ, а грех — поругание для любого народа, гл. 14, ст. 34. Таким образом, в идеале, в следующем стихе слуга, который поступает мудро, пользуется благосклонностью царя, но его гнев падет на того, кто поступает постыдно.

В таких стихах, как 28:2, власть царя подтверждается аналогичным образом, однако в Притчах ожидается, что царь будет искренне обеспечивать людям божественную справедливость и мудро упорядочивать их жизнь. Следовательно, мерзость для царей делать зло, ибо престол утверждается праведностью (16:12). Опасность власти в руках злых королей серьезна. Если правитель слушает ложь, все его чиновники будут нечестивыми (29:12). Вероятно, это имеет последствия для Twitter.

Подобно рыкающему льву или нападающему медведю, нечестивый правитель бедного народа, глава 28, стих 15. Цари должны заботиться о других, а не о себе. У них нет наследия без своего народа, 14:28. Эти трактовки дружбы и королевской власти согласуются с тем, с чем мы уже столкнулись в третьей категории — домашних отношениях, супружеских отношениях и отношениях между родителями и детьми.

Супружеская близость приносит огромную радость. Конфликты и глупость приносят несчастье и опасность. Родительский авторитет приносит мудрость в жизнь отдельных людей и способствует здоровью общества.

Злоупотребление властью приводит к угнетению, а восстание приводит к распаду. Что касается некоторых из этих материалов, Майкл Фокс предоставляет важный богословский контекст. Я цитирую, что высказывания сварливой жены звучали для мудрецов как мудрость, а не как остроты или ворчание, потому что коллективное предприятие, которое сформировало Притчи, неоднократно предупреждает о пагубных последствиях сварливости.

Большое количество стихов на эту тему, всего, по его подсчетам, 31, показывает, насколько важным был этот вопрос для мудрецов. Они знали, что дисгармония в браке прискорбна, потому что знали, что гармония — это цель. Эта жизненная сила распространяется не только на супругов и родителей с детьми, но и на последующие поколения.

Глава 17, стих 6, внуки – венец веков, и слава детей – их родители. Таким образом, в-четвертых, нам не следует удивляться, увидев тему дисциплины. Те, кто жалеет розгу, ненавидят своих детей, а те, кто любит их, прилежны в дисциплине.

Воспитывайте детей правильно, и, когда они подрастут, они не сбьются с пути. Глава 22, стих 6, хотя этот стих и известен, вполне возможно, что он не касается дисциплины маленьких детей. И вы можете узнать различные возможные мнения по этому поводу у одного автора, которого я цитирую в сносках, Теда Хильдебранда на этом сайте.

В любом случае мудрый ребенок любит дисциплину, а сталкер не слушает упреков. Эти тексты сегодня поднимают трудные вопросы о том, следует ли использовать физические средства дисциплинарного воздействия в свете жестокого обращения с детьми и других современных проблем. Однако в целом Притчи могут обеспечить адекватные богословские и моральные границы для применения ее учений.

Во-первых, невозможно отрицать важность дисциплины как акта родительской любви. Божья любящая дисциплина – наш образец. Глава 3, стихи 11 и 12, которые подтверждены в 12 главе Послания к Евреям.

Во-вторых, самоотверженность мудрых родителей, особенно их избегание гневных поступков, должна значительно смягчать любые физические формы наказания. В-третьих, в текстах, касающихся дисциплины, приоритетом является не физическое наказание, а словесное исправление. Привлечение внимания

молодого человека к важности этого исправления необходимо для запоминания и должной приверженности к выполнению.

Тем не менее, могут быть адекватные или даже лучшие способы привлечь такое внимание в культурах, которые не ориентированы на физическое дисциплинирование, в то время как некоторые формы наказания могут фактически не соответствовать любящим стандартам богоподобной дисциплины, установленным в Притчах. Итак, я думаю, что учение, которое мы имеем в Притчах, соответствует тому учению, которое мы имеем в отрывках о домашних хозяйствах в Новом Завете. Например, в 3-й и 4-й главах Послания к Колоссянам, 5-й и 6-й главах Послания к Ефессянам и в других отрывках из домашнего содержания.

Читатель, который ожидает, что «Притчи» произведут революцию в социальном контексте своей первоначальной исторической обстановки или сеттингов, будет разочарован. Но читатели, которые, если быть более реалистичными, ожидают, что Библия будет умерять злоупотребления и избегать богословского оправдания навсегда незаконных практик, тем самым Библия создает пространство для последующих изменений в ходе истории, искупительной истории и прочего. Богословская интерпретация этого типа материала не предполагает игнорирования исторических различий между религиозными и нерелигиозными людьми, наивного переноса текстовых парадигм из того времени в современность без какой-либо дискриминации.

Напротив, богословские толкователи читают Священное Писание с герменевтикой веры в божественную природу Библии, но также со здоровым подозрением в отношении человеческого контекста, в котором и через который говорит Бог. Я не думаю, что тогда нам следует рассматривать «Притчи» как общий и постоянный аргумент в пользу глубоко укоренившегося патриархата, а, скорее, мы должны видеть, что они принимают элементы, соответствующие контексту, и работают внутри них, чтобы передать божественное учение. Сама книга Притчей не расскажет всего о том, как поместить ее положения в контекст более широкого контекста истории спасения.

Нам придется разобраться в остальной части канона в контексте Притчей, как следовать тому, что делает Иисус в отрывке, подобном Евангелию от Матфея 19, в различении первоначального Божьего замысла творения и различных приспособлений, касающихся последующей проклятой грехом истории. и особые общественные практики. Я думаю, что, используя такой подход, мы можем кратко сказать о Притчах примерно следующее. Во-первых, «Притчи» искренне подтверждают традиционную еврейскую и христианскую сексуальную этику и считают ее необязательной для здоровой общественной мудрой жизни.

Во-вторых, «Притчи» искренне подтверждают важность тщательного воспитания детей и не преуменьшают лишь отцовское участие. Другими словами, его заботой является не далекий барский патриархальный статус, а скорее интимное, смиренное, отцовское пастырство. В-третьих, «Притчи» редко, если вообще когда-либо, отрицают, что туфля должна подходить другой ноге, в отношении гендерных материалов, таких как спорные высказывания жены.

Спорные мужья не стали бы. В-четвёртых, Притчи искренне подтверждают мудрость женщин в обучении детей. Притчи 31, где ода на вершине является примером постоянства.

Олицетворение мудрости — другое. И, в-пятых, если мы хотим следовать феноменологическим тенденциям книги говорить внутри явлений так, как это нужно аудитории, мы не будем относиться к давно устоявшимся широко распространенным культурным моделям как к совершенно неуместным или абсолютно данным, и мы не преминем поразмышлять о них. значение биологических различий между мужчиной и женщиной. Итак, с одной стороны, когда мы допускаем контекстуальные предположения и различия, чтение Притчей по-прежнему допускает значительное культурное разделение между пятью.

Однако, с другой стороны, чтение Притчей должно спровоцировать сомнение в наших собственных культурных предрассудках наряду с тем, что мы считаем интересным. «Притчи» бросают вызов современным мужчинам и женщинам переосмыслить представления о хорошей жизни, особенно в свете глубокой важности воспитания детей, а также благословений стабильного сообщества и хорошо организованного космоса в мировоззрении книги. Если бы, следуя примеру Иисуса в отношении брака и развода, мы сосредоточили свои обязательства на основном божественном замысле, выраженном в материале Притчей, тогда мы превзошли бы друг друга в стремлении отдать себя в верной любви, которая одновременно это истинная реализация сотворенной свободы и подлинного благословения.

Наконец, размышления о социальных проблемах в Притчах еще раз подчеркивают, что семейная жизнь является аналогией заветного общения с Богом. Конечно, при любой аналогии есть моменты, в которых параллели нарушаются. Они ограничены.

Однако эта аналогия предполагает не просто подобие, а участие одной реальности в другой. Другими словами, дом — это не только духовная жизнь, дом — это духовная аналогия, одна из метафор духовной жизни в Притчах. Поэтому отказ от учения Притчей сродни отказу от основ традиционной христианской веры.

По этому поводу сам Карл Маркс в томе 3:4 своей «Церковной догматики» так прокомментировал: « Книга Притчей, которую можно читать как обширный комментарий к духовной жизни, ни в каком смысле не является бездуховной книгой. В нем нам не предписывают, не прикажут и не повелевают, а убеждают, советуют и приглашают принять личное испытание и обдуманное решение, и это решение всегда с обращением к суду, стоящему над отеческим учителем и советчиком. Однако нельзя отрицать и того, что в Ветхом Завете проблема отношения пятого к первому скрыта под патриархальным образом мышления, а духовная природа кающегося хотя и является фактом, но еще не выявляется явно. Итак, но мы всегда растем неузнаваемыми». Не подтверждая всего, что говорит вам Барт, но я думаю, что эта забота полезна для того, чтобы поместить честь отца и мать в более фундаментальный контекст: мы должны подчиняться Богу, а не любому человеческому авторитету, Деяния 5 . :29. Когда Иисус остается в храме, занимаясь делами своего отца, к огорчению своих земных родителей, повествование в Луки 2 :42-43 не является случаем его непослушания Богу.

Напротив, правильная направленность всего земного воспитания состоит в том, чтобы привить детям растущую мудрость ради добровольного послушания Богу. Божье первенство помещает и пресловутый патриархат, и здоровое воспитание детей в правильный контекст. То, чему в конечном итоге учат Притчи о воспитании детей и обучении, — это огромная привилегия, связанная с подражанием Богу на тварном уровне.

Мы участвуем в создании, обеспечении, защите и воспитании жизни от имени Создателя, чтобы каждый драгоценный ребенок рос в мудрости. Этот процесс приносит радость членам семьи и соседям, которые наблюдают, как они принимают свое наследие в соответствии со своими индивидуальными дарованиями. Даже те, кто так и не стал родителями, могут разделить эту радость, используя различные способы обучения.

Пресвятая Троица настолько милостива, что ее общение с Отцом и Святым Духом распространяется и на воспитание других детей, которые, в свою очередь, могут получать удовольствие от воспитания собственных детей. На каждом уровне человеческой жизни таятся огромные тайны и конфликты между родителями, которые заставляют нас бояться Того, Кто дает нам все. В то же время, выявляя нашу веру и стремясь понять элемент среди всей тайны, дарования и получения любви.

Взглянув на последние слова, мы подошли к концу главы 31 Притчей. Мы поняли, насколько фундаментальны действия слушания и говорения для формирования характера в Притчах. Мы осознали, насколько благословлен

народ Божий, получивший откровение, которое приглашает и укрепляет их заветы и рост в мудрости.

В заключительном дополнении к этой лекции мы возвращаемся к 8-й главе Притчей и к описанию Госпожи Мудрости в ней и рассматриваем, как мы можем связать ее с Иисусом Христом, если вообще можем. На протяжении всех этих лекций я пытался показать, как христиане могут читать Притчи в свете аналогии между человеческим воспитанием и Божьей педагогикой, ведущей людей к мудрости. Достигнув кульминации этой аналогии и ее мудрости в оде 31-й главы Притчей, уместно вернуться к вершине 8-й главы Притчей, стихам с 22 по 31, которые всесторонне связывают Госпожу Мудрость с Божьим правлением космоса.

Не имея ни времени, ни места для исчерпывающей защиты, я хочу обрисовать, кратко обрисовать, как мы могли бы увидеть Иисуса Христа в связи с этим изображением мудрости. Я попытаюсь сделать это за пять основных шагов. В-первых, значение глаголов в 8.22–26.

Первый из обсуждаемых глаголов в этом отрывке — *qanah* в 8:22. Его обычное использование в Ветхом Завете подразумевает приобретение или владение, как это часто бывает в других местах Притчей. Септуагинта, греческое название Ветхого Завета, в конечном итоге восприняла это не в смысле просто приобретения или обладания, а в особом смысле создания. И это привело к разного рода противоречиям с арианской христологией.

Искушение заключалось в том, чтобы прочесть Иисуса в этом отрывке и увидеть Сына как созданного Богом и, следовательно, не являющегося полностью божественным. Частично, я думаю, это было вызвано опорой на Септуагинту, греческий перевод Ветхого Завета, а не прямое рассмотрение еврейского языка. Тремпер Лонгман предполагает, что современной параллелью еврейскому термину может быть пара «получить» и «родить».

И здесь я думаю, что способ приобретения или обладания, который пытается передать глагол, более конкретен. Это рождает. Это зарождение.

Зачатие – это способ войти в этот проход. Это зарождение мудрости может быть вдохновлено началом Слова Господа. Следование этому пути с самого начала приведет к согласованию мудрых и чистых мыслей Бога.

В 8:22 есть несколько временных маркеров, например, начало, но важно отметить их точки сравнения. Прежде всего, что? Прежде всего. По ходу дела, вместо того, чтобы быстро принять мудрость как творение, я пытаюсь предположить, что о мудрости здесь не говорят как о сотворенной, а метафорически говорят как о рожденной.

Это открывает гораздо больше возможностей для ортодоксального христологического исполнения или присвоения этого текста. Корень второго глагола в 8:23 неясен. Итак, возникает вопрос, что именно мы здесь видим на кону.

У нас есть установка короля на заднем плане? Есть ли у нас ткачество? Есть ли у нас метафора, связанная с беременностью и так далее? Итак, варианты есть. Но вот что, по моему мнению, утверждает Леди Мудрость в 8:22 и 23 вместе. Господь приобрел или овладел мной, породив меня, породив меня в начале Своего пути, которому вы можете следовать раньше других Его ранних произведений.

От века я был соткан воедино, прилепившись к порождающему образу, с самого начала, с древнейших времен земли. Итак, если это верно, то у нас нет христологического осложнения, связанного с тем, что мудрость здесь стала творением. Мы метафорически говорим о мудрости с точки зрения зарождения.

Теперь второй вопрос находится в главе 8 и стихе 30, о значении Амона и о том, как мы поступаем... Теперь между тем, образец стихов 27 и 29 означает противоположное направление от стихов 24 и 25, сверху вниз. . Смысл этих восхождений в том, что Бог мудро делает весь космос пригодным для проживания людей. Хаос, связанный с водой, которого так боялись древние, не может выйти за границы, обозначенные тем же Господом, чьи повеления в Торе также устанавливают границы для человеческой жизни.

Временные придаточные предложения приводят к утверждению в главе 8 и стихе 30 о том, что я был на его стороне. Среди возможных вариантов перевода здесь долгое время лидировал ремесленник или мастер, но соответствующее значение в Иеремии 52:15 является спорным. . И я не думаю, что Притчи 33:19 дают этому явное подтверждение. Это основано на внесении поправок в масоретский текст в соответствии с Торой.

Некоторые выбирают второй вариант, ребенка или кормящего ребенка, потому что они рассматривают первый вариант, ремесленника или мастера, как теологически тревожный, вводящий, так сказать, второго творца. Несмотря на очевидный прогресс по сравнению с озабоченностью рождением, приведенной ранее в этом разделе, я считаю, что маленький ребенок - не лучший выбор, который Притчи могли бы сделать для мудрости, имеющей авторитет, из-за участия в творении в промежуточных стихах, где Бог мудро делает весь космос пригодным для жизни человека. жилье. Недавно появилась третья, более многообещающая возможность трактовки 8-го стиха 30-го.

Брюс Вальтке переводит первую фразу стиха, постоянно стоящую рядом с ним, взяв корень этого слова с точки зрения твердости или верности, а не с точки зрения ремесленника или мастера. Стюарт Уикс аналогичным образом подчеркивает эту лексическую подоплеку, верно переводя термин, согласно которому мудрость существует либо как верная, либо в верности. Верность, связанная с этим, может выходить за рамки простого временного присутствия и также означать религиозное благочестие.

В этом случае возможная ссылка на Притчи 8:30 в 3-й главе и 14-м стихе Откровения имела бы больше смысла. Там мы читаем о словах Аминь, верного и истинного свидетеля, о происхождении Божьего творения, что кажется христологической аллюзией в Новом Завете, возвращаясь к чтению. Теперь, если мы выберем такую интерпретацию Притчей 8:30: «Я был рядом с ним постоянно или верно», тогда этот стих поднимает новые вопросы о времени возникновения состояний и событий, описанных в прошлом.

Согласно обычному пониманию, в Притчах 8:30 мудрость ставится рядом с Богом во время творения, а восторг в стихе 31, предположительно, следует за этим актом самого творения, описанным в Притчах. Однако, вопреки этой интерпретации, положения «когда», введенные Бэйтом в 8:27–8:29, уже могли соответствовать утверждению «Я был там в 8:27», а не утверждению «Я был рядом с ним в 8:30». И есть ключевые слова, связывающие вместе стихи 30 и 31, что делает временной сдвиг между ними менее вероятным. То же самое и со зверем.

Ежедневное измерение света в главе 8.30б более естественно соответствует главе 8:31, следующей за сотворением. Поэтому предпочтительнее рассматривать стихи с 8:27 по 29 как изображение присутствия мудрости во время творения, а 8:30 и 31 изображают ее восторг от божественного присутствия с тех пор. Цитируя Лиса, этот отрывок — не просто утверждение о том, что мудрость была с Богом с самого начала, но заявление о том, что она была с Богом на протяжении всей истории мира и остается ею до сих пор.

Это всеобъемлющее присутствие еще больше делает ее принципом, по которому правят короли, а люди обретают шалом. Теперь, если такая трактовка 8:27–31 возможна или даже правильна, тогда остается двигаться в обратном направлении, обращаясь к тому, каким образом мудрость предшествует космосу в стихах 29 и 26. Повторяется словесный акцент на ее рождении, 2, 3, 4 и 25 в пути.

Каждый из последних трех стихов ясно дает понять, что до мудрости некоторая черта космоса не существовала или еще не проявилась, что с точки зрения христологического присвоения материала мудрости согласовывалось бы с утверждениями Евангелия от Иоанна, а затем и Евангелия от Иоанна.

Христианское православие о Логосе, через которого все было создано и до которого ничего не было создано. Итак, самый сложный вопрос, который, кажется, касается мудрости, олицетворенной в этом отрывке и которая каким-то образом или в конечном итоге исполнилась в Иисусе Христе, самый сложный вопрос возникает еще в главе 8, стих 22. Я уже предположил, что мудрость не обязательно существо согласно первому пункту.

Глагол, как мы видели выше, означает либо меньше, чем создано, приобретено, либо, скорее всего, означает больше, чем создано. В этом специфическом метафорическом смысле оно означает «рожденный». Понятие существа часто употребляется метафорически, и, в конце концов, этот текст — поэзия.

Рождение — это вопрос с точки зрения поэтического или метафорического использования, и поэтому то, что нам нужно рассмотреть с богословской точки зрения, касается природы и времени рождения, а также того, какое значение это может иметь для персонификации. Мне кажется, что небуквальное понимание зачатия вполне соответствует поэтическому характеру отрывка и символической силе бытовых образов в Притчах, а также тому, что Притчи хотят сказать о мудрости. Он не хочет сказать, что мудрость, ни в смысле содержания учения, ни в виде какой-то метафоры, переходит из небытия в существование.

Оно хочет сказать, что оно приходит от вечного Бога в тварный порядок. Итак, я думаю, классическое христианское богословие справедливо подчеркивает метафорическое установление в этом тексте божественного происхождения мудрости. Таким образом, в некоторых отношениях самым сложным пунктом в 8:22 является второй.

Там говорится, что первое из его давних действий помещает зарождение мудрости в начало серии космических, временных или исторических работ, как в еретической арийской христологии. Не обязательно. Термин, переданный первым, передает отдаленность во времени, но может также указывать на божественный дух, как в Аввакума 9:12. Не издревле ли Ты, Господи Боже мой, святой мой? Ты не умрешь.

А добавление «давно» в конце 8:22 напоминает Псалом 92. Твой, то есть престол Господень, утвердился издревле. Ты из вечности.

Эта формулировка создает впечатление попытки передать вечную особенность мудрости, а не ее соответствие тварным шаблонам. Конечно, словарный запас недостаточно точен, чтобы самостоятельно решать любые технические, богословские или христологические вопросы. Но если мы хотим каким-то образом связать текст со Христом, наши варианты, я думаю, здесь остаются открытыми, потому что языком можно было бы передать вечность и связь с творцом, а не начало временности.

Итак, какова литературная функция и сущность мудрости? Разумеется, олицетворение мудрости является литературным мотивом в середине отрывка, приобретающим поэтическое сходство. Здесь не делается никаких претензий на ипостась или личность в мудрости, божественной или иной, поскольку здесь проводится параллель с последователями Иакова. Иисус Христос не находится непосредственно в авторе и уж тем более не в сознании человека-автора или редакторов.

Однако мудрость, о которой здесь говорится, выходит за рамки просто божественного атрибута. Для персонификации это не имеет особого смысла, даже метафорически. В Притчах 8 не говорится, что было время, когда божественного атрибута мудрости не было, а затем он появился на свет.

По определению, божественный атрибут не проявляется. Я думаю, мы также не можем согласиться с отчетливой персонификацией мудрости самого пророческого процесса, если рассматривать его как исключительно тварную реальность. Притчи 8–9, скорее всего, посвящены подготовке к Притчам 10–31, это правда.

Но здесь подчеркивается, что такое божественное учение приходит через поразительно личное божественное самораскрытие, а не просто через человеческую мудрость в целом. Текст как бы с самого начала связывает личное приглашение мудрости с творцом. Как подчеркивали Ричард Брокэм и другие, ветхозаветные тексты Исаии и других источников предсказывают более полное божественное самораскрытие в будущем, связанное с исполнением обещанного Израилю искупления.

Тогда они узнают, что Я Господь. Для христианских читателей понятно, что намеки Ветхого Завета на таинственную взаимосвязь внутри божественной жизни и снисхождение Бога к нам через мудрость могут предстать в более полном свете откровения с пришествием Иисуса Христа. Поэтому христианское присвоение мудрых текстов, тем и отрывков, таких как Послание к Колоссянам 1, вполне понятно.

Здесь Ричард явно выходит за рамки очередной творческой грамотности, с одной стороны, не отождествляясь при этом исключительно с жизнью Иисуса Христа. Следовательно, я думаю, что возможный спор между Афанасием и арианами вполне соответствует теме Притчей 8, даже если на техническом уровне Иисус Христос явно не присутствует непосредственно на поверхности текста. И по любому количеству экзегетических вопросов сегодня мы можем прийти к иным выводам, чем предыдущие христианские толкователи.

Если мудрость здесь не может быть исключительно особенностью творения или божественным атрибутом, то ее загадочное происхождение требует исследования. А сам текст в его первоначальном контексте может быть поэтически усовершенствован мистическим авторитетом, даже не претендующим на полный ответ, божественным провидением. Мудрость играет посредническую роль между Богом и миром, особенно между Богом и человечеством.

Как я заметил в первой лекции, Яхве — первое слово этого текста, а Адам — последнее. В контексте 8-й главы Притчей часть текста опирается на тот факт, что мудрость — это не просто царь, монархия или храм. Мудрость служит связующим звеном между Богом и человечеством, между небом и землей.

Мудрость — это Бог, присутствующий, обучающий и управляющий не только через царей и священников, но также через родителей и нечеловеческих существ. Возникающая в результате проблема заключается в понимании природы этого посредничества. Является ли мудрость квазибожественной, но, в конечном счете, каким-то творением, как считали ариане, или же она действительно полностью божественна в какой-то форме личного снисхождения, которая не выражена в тексте, как пришли к выводу православные, когда они связали ее с Иисусом. Христос.

Такая интерпретационная задача принимает особую форму при написании Христа как Сына Божьего, однако она проистекает из тайны, уже скрытой в самом тексте, я бы сказал. Если мудрость имеет какую-то тварную связь, хронологически и иным образом отличную от всего остального в космосе, то метафора рождения, далекая от подчинения Сына Отцу, как твари Творцу, фактически указывает на непрерывность божественной жизни и характера. Другими словами, мудрость здесь — это осколок древнейшего креста.

Поэтому я хочу предположить, что Иисус Христос представляет разгадку тайны, скрытой в тексте, хотя и не всегда четко осознаваемой. Это то, что дает нам Воплощение, своего рода прямой контакт с нами, прямой контакт с человеческой жизнью и исследование связей Нового Завета так, как я поспешил здесь. Я думаю, что такая трактовка 8-й главы Притчей, очевидно, представляет собой точку зрения богословского меньшинства, противостоящую весу тонны евангельских исследований Ветхого Завета, и я не хочу обманывать вас в этом вопросе.

И я думаю, что вы можете читать книгу Притчей так, как я читаю остальные лекции, не веря, что Иисус Христос является олицетворением мудрости, которое мы имеем в Притчах 8. Я действительно думаю, что если вы прочтаете Притчи 8, таким образом, когда автор-человек указывает на таинственный персонаж на божественное снисхождение и откровение, которое не полностью и полностью

понято до тех пор, пока мы не увидим вершину его исполнения в Воплощении Христа, я думаю, если вы прочтете Притчи 8 таким образом, это будет вполне соответствует тому, что пытается сделать остальная часть книги в отношении Божьей любящей педагогики для установления контакта с нами, не просто используя чиновников в жизни Израиля, но используя родителей и обычную жизнь во всем космосе, чтобы попытаться привить мудрость одному и попытаться принести нам здоровые, гармоничные заветные отношения шалома. Я хочу предположить, что в основе Притчей лежит божественная педагогика, которая включает в себя человеческое воспитание и привлекает нас на путь мудрости. Путь мудрости лежит в основе того, как Бог управляет Своим космическим домом и Воплощением Иисуса Христа, таинственным, но в конечном итоге осуществляющим ту педагогику, на которую указывают Притчи и в которой он участвует.

Спасибо за то, что вы слушали.

Это доктор Дэниел Дж. Трейер и его учение «Притчи для христианской жизни». Это занятие номер четыре, главы 30–31 Притчей, «Заключительные слова».